

Научная статья

УДК 94(470) «1804/1806»

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-6-19

Емельянова Александра Андреевна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

platonovac@mgrpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

ТИПОЛОГИЯ ПОБЕГОВ КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ НАЧАЛА XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЪЯВЛЕНИЙ В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

Аннотация. Тема бегства помещичьих крестьян в России имеет обширную историографию, но сам акт побега как феномен истории повседневности практически не привлекал внимания исследователей. В XVIII – первой половине XIX в. существовала практика публикации объявлений о побегах крепостных в газетах. В статье предпринята попытка разработать типологию обстоятельств побегов крепостных по материалам объявлений, размещенных в «Московских ведомостях» (раздел «Известия») в течение трех лет, с 1804 по 1806 г. Несмотря на то что в газете отражался незначительный процент всех реально происходивших в стране крестьянских побегов, объявления раскрывают географическое местоположение и обстоятельства бегства крепостных от своих владельцев.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, дворовые люди, побеги, «Московские ведомости», газетные объявления.

Для цитирования: Емельянова А. А. Типология побегов крепостных в России начала XIX в. по материалам объявлений в «Московских ведомостях» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 1 (61). С. 6–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-6-19>

Original article

UDC 94(470) «1804/1806»

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-161-6-19

Emelyanova Alexandra A.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

platonovaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

**TPOLOGY OF SERF ESCAPES
IN EARLY 19th-CENTURY RUSSIA BASED
ON ADVERTISEMENTS IN “MOSKOVSKIE VEDOMOSTI”**

Abstract. The flight of landowner peasants in Russia has an extensive historiography, but the act of escape itself, as a phenomenon of everyday history, has hardly attracted the attention of researchers. In the 18th and first half of the 19th centuries, there was a practice of publishing advertisements about serf escapes in newspapers. The article attempts to develop a typology of the circumstances of serf escapes based on the materials of advertisements posted in the “Moskovskie Vedomosti” (“Izvestia” section) for three years from 1804 to 1806. Despite the fact that the newspaper reflected a small percentage of all peasant escapes that actually took place in the country, the ads reveal the geographical location and circumstances of the serfs’ escape from their owners.

Keywords: serfs, household servants, escapes, «Moskovskie Vedomosti», newspaper ads.

For citation: Emelyanova A. A. Typology of serf escapes in early 19th-century Russia based on advertisements in “Moskovskie vedomosti”// MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 1 (61). P. 6–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-161-6-19>

Введение. Бегство крепостных людей от владельцев наблюдалось весь период существования крепостного права в России. Сыграв заметную роль в таких ключевых процессах, как хозяйственное освоение новых территорий и формирование рынка рабочей силы, побег крепостных многократно и в различных ракурсах рассматривались в исторической науке.

Еще в дореволюционный период начинает складываться традиция изучения роли беглых в экономической жизни страны и географической мобильности населения XVII–XIX вв. (работы Н. Г. Серповского¹, Н. Н. Фирсова², М. В. Ключкова³ и др.). Тогда же появляется интерес к побегам частновладельческих крестьян

¹ Серповский Н. Г. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль, 1885.

² Фирсов Н. Н. Политическое и финансовое значение колонизационной деятельности Ивана Ивановича Неплюева. Казань, 1894.

³ Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения: Т. 1. СПб., 1911.

как к социальному и социально-психологическому феномену. В 1890 г. вышла не потерявшая своего научного значения работа В. И. Снежневского «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях»⁴. В исследовании, написанном на судебном материале Среднего Поволжья, автор определяет причины, заставлявшие крепостных уходить от помещиков, и характеризует судьбы людей в бегах.

В советское время бегство крепостных рассматривалось как одна из форм социального протеста в феодальной России. Приоритетное внимание уделялось роли беглых крестьян в становлении рынка рабочей силы, зарождении капиталистических отношений, освоении Урала и Сибири (А. А. Новосельский⁵, И. А. Булыгин⁶, А. А. Преображенский⁷ и др.). В 1983 г. вышла фундаментальная монография Н. В. Козловой⁸, ставшая самым крупным специальным исследованием бегства крепостных крестьян в советской историографии. Н. В. Козлова изучала данное явление в эпоху Петра I и его ближайших преемников, работая главным образом с судебными материалами. Побег исследовался с точки зрения классовой борьбы и формирования капиталистического рынка. Касаясь обстоятельств ухода крестьян от помещиков, Н. В. Козлова отмечала выбор крепостными благоприятного времени для побега, предварительную разведку будущего места поселения, сговор участников побега, организацию отдельными крестьянами побегов их односельчан, подготовку подложных паспортов⁹.

В российской историографии начала XXI в. побег крепостных начали рассматривать с позиций исторической антропологии и микроистории. Основными источниками по-прежнему выступают судебные материалы, прежде всего протоколы допросов пойманных беглецов. К теме крестьянских побегов обращалась О. Е. Кошелева — один из ведущих современных специалистов в области исторической антропологии России XVIII в. В статьях, написанных на основе расспросных речей беглых первой половины XVIII в., О. Е. Кошелева стремится проследить цели и стратегии обмана арестантами чиновников, проводивших допрос, и через ряды фрагментов жизни беглецов определить в целом стратегии выживания людей в бегах¹⁰. Исследователь отмечает,

⁴ *Снежневский В. И.* К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях // Нижегородский сборник. Т. 10 / изд. Нижегородским губернским Стат. ком. под ред. действ. чл. и секретаря комитета А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1890. С. 517–595.

⁵ *Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй пол. XVII в. // Труды института РАНИОН. Вып. 1. М., 1926. С. 327–354.

⁶ *Булыгин И. А.* Положение крестьян и товарное производство в России: Вторая половина XVIII в.: (По материалам Пенз. губ.). М., 1966.

⁷ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.

⁸ *Козлова Н. В.* Побег крестьян в России в первой трети XVII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ *Кошелева О. Е.* Беглые крестьяне в документах провинциальных учреждений России первой половины XVIII в. // Study Group on Eighteenth-Century Russia. <https://www.sgcr.co.uk/>

что обстоятельства побега раскрываются в расспросных речах в редких случаях¹¹, обращает внимание на то, что «многие крестьяне уходили от помещика легально — с выписанным на время отходничества паспортом, но затем его срок годности истекал, и они становились беглыми»¹².

В последние годы появляются исследования, освещающие судьбы беглых крепостных женщин XVIII в. (диссертации А. О. Видничук¹³, Э. В. Ченчиковой¹⁴).

Продолжается изучение роли беглецов в социально-экономической истории России. Работающий в Канаде историк А. В. Горностаев защитил докторскую диссертацию (2020), в которой провел комплексный анализ бегства русских крестьян в XVII–XVIII вв.¹⁵ В центре внимания автора — социальная и географическая мобильность бежавших.

Можно заметить, что фокус внимания исследователей при обращении к теме крестьянских побегов и в советской, и в современной российской историографии сосредоточен на побегах крестьян-земледельцев; побег дворовых людей исследованы весьма слабо. В хронологическом отношении наиболее изученным периодом является XVII – середина XVIII в.; побег крепостных в XIX в. — в поздний период существования крепостного права в России — явно находятся на периферии внимания исследователей.

Несмотря на богатую историографию темы бегства крепостного крестьянства, *сам акт побега*, т. е. акт ухода зависимого человека от помещика *как феномен истории повседневности*, практически не изучался. В современной историографии, при явном интересе к жизненным траекториям человека в бегах, не предпринималось попыток типологизировать обстоятельства побегов крепостных от владельцев.

Изучение историко-бытовых реалий, связанных с побегами крепостных, ведется на судебном материале, в первую очередь на допросах беглых крестьян, что, безусловно, в ряде случаев оправдано. Но колоссальный объем этого массового источника заставляет выбирать достаточно узкие географические рамки исследования.

---

newsletter/newsletter2015/kosheleva.html (дата обращения: 31.01.2026); *Ее же*. Стратегии обмана в допросах беглых крестьян // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени: сб. статей. М., 2017. С. 202–225.

¹¹ Кошелева О. Е. Беглые крестьяне в документах провинциальных учреждений России... <https://www.sgcr.co.uk/newsletter/newsletter2015/kosheleva.html> (дата обращения: 31.01.2026).

¹² Кошелева О. Е. Стратегии обмана в допросах беглых крестьян. С. 206.

¹³ Видничук А. О. Женская преступность в послепетровской России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023.

¹⁴ Ченчикова Э. В. Беглые крестьянки в XVIII в. (по материалам судебных дел Суздальской, Шацкой и Короченской провинциальных канцелярий): магистер. дис. М., 2024.

¹⁵ Gornostaev A. Peasants “on the run”: state control, fugitives, social and geographic mobility in imperial Russia, 1649–1796: PhD dissertation. Georgetown University, 2020.

Ход и результаты исследования. В XVIII – первой половине XIX в. существовала практика публикации объявлений о побегах крепостных людей в газетах, в том числе в «Московских ведомостях». До настоящего времени газетные объявления почти не привлекались как источник о побегах крестьян и дворовых людей. Сообщения о беглых составлялись самими помещиками или служащими помещичьей конторы, если бежавший человек принадлежал богатому вотчиннику. Тексты строились по близкой схеме, обычно включали следующие пункты: имя вотчинника; дата побега; имя бежавшего человека; возраст и приметы бежавшего; некоторые обстоятельства побега; сообщение о том, что явочное прошение о побеге подано в государственные органы; требование при обнаружении задержать беглого и сдать властям для пересылки законному владельцу; указание места (городской или сельской усадьбы), в которое должен быть возвращен беглец. Впрочем, объявления были вариативными текстами, писавшимися в свободной форме: могли дополнительно содержать описание костюма беглеца; мастерства, которым он владеет; включать обещание вознаграждения за помощь в возвращении крепостных людей и т. д. Если побег сопровождался кражей хозяйских вещей или денег («сносом»), это также указывалось в объявлении.

В начале XIX в. периодичность издания «Московских ведомостей» составляла два номера в неделю, в год выходило 104 или 105 номеров. Частные объявления, в том числе объявления о побегах крепостных людей, за редким исключением, публиковались в разделе «Известия».

В «Московских ведомостях» количественно преобладают объявления о побегах крепостных из Москвы и Московской губернии, что кроме очевидной причины географического размещения газеты, на наш взгляд, связано с колоссальной концентрацией представителей «крепостного сословия» в Первопрестольной столице. Накануне войны 1812 г. дворовые люди составляли 32,5 %, помещичьи крестьяне — около 15 %, в целом крепостными являлись около 47,5 % населения Москвы¹⁶.

Однако география объявлений о побегах в «Московских ведомостях» охватывала всю Европейскую Россию. Например, в 1806 г. на страницах «Московских ведомостей» появлялись объявления о крепостных людях, бежавших в Санкт-Петербурге, Смоленске, Симбирске, Кременчуге, Тирасполе, из уездных городов и деревень Смоленской, Калужской, Орловской, Вологодской, Воронежской, Ярославской, Рязанской и других губерний.

Автором были собраны объявления о побегах, опубликованные в 1804–1806 гг. Выявлено 146 объявлений о розыске беглых крепостных, из них 109 объявлений об индивидуальных побегах и 37 объявлений о групповых побегах, в которых участвовали два и более человек. В общей сложности в объявлениях за три года содержалась информация о побегах 219 людей.

¹⁶ Сьтин П. В. История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. Т. 3. М., 1972. С. 34.

Необходимо подчеркнуть, что в «Московских ведомостях» находила отражение весьма незначительная доля побегов крепостных людей. Для сравнения: по подсчетам В. И. Снежневского, работавшего с явочными прошениями помещиков о побегах, за три года, с 1804 по 1806 г., только на территории одного Арзамасского уезда сбежал 141 крепостной¹⁷. Таким образом, в популярной столичной газете мы находим информацию о количестве побегов, которое будет меньше, чем могли дать два уезда в Поволжье за тот же период.

Объявления о побегах в «Московских ведомостях» не являются случайной выборкой, так как не все побегии крепостных имели равные шансы попасть в газету. Объявления подавались о побегах людей, в возвращении которых помещики были особенно заинтересованы, поэтому любые количественные данные, полученные на основе анализа объявлений, могут иметь серьезные искажения по сравнению с генеральной совокупностью, т. е. всеми случаями побегов крепостных за рассматриваемый период. Весьма ярко особенности количественных данных, полученных на основе газетных объявлений, проявляются в соотношении дворовых и крестьян среди беглых. По оценке В. И. Снежневского, дворовые составляли не более 5 % всех крепостных¹⁸. В газетных объявлениях 1804–1806 гг. побегии дворовых людей абсолютно преобладают над побегами крестьян (70/30 %): среди совершивших индивидуальный побег доля дворовых достигает 82 %. Определенное влияние здесь оказал высокий процент объявлений о беглых дворовых из Москвы, но главное, что обеспечило преобладание дворовых в объявлениях о побегах, — это причины, побуждавшие вотчинников обращаться в газету. Публикуя объявления, они стремились поймать слуг, похитивших деньги и вещи из хозяйского дома; вернуть людей, на обучение которых были потрачены деньги; людей, приносящих хороший оброк; лично знакомых крепостных. Как правило, такими крепостными оказывались дворовые люди, а не пашенные крестьяне. Разумеется, доля бежавших «со сносом», доля похитивших помещичью печать, документы и т. д. должна быть значительно выше в объявлениях, чем имела место среди всех случаев бегства крепостных. Было бы грубой ошибкой экстраполировать любые количественные данные, полученные на основе объявлений в «Московских ведомостях», на все случаи бегства крестьян и дворовых в России, тем не менее они представляют интерес в качестве сравнительного материала.

При этом объявления о побегах являются ценным историческим источником. В частности, они позволяют выявить возможные обстоятельства бегства крепостных от своих владельцев в начале XIX в. Преобладание объявлений о бегстве дворовых в данном случае может являться преимуществом. Во-первых, бегство дворовых людей является проблемой слабоизученной. Во-вторых, виды деятельности дворовых людей (домашние слуги, ремесленники, ученики ремесленников, барские поверенные) были разнообразнее, чем у крестьян-

¹⁷ Снежневский В. И. Указ. соч. С. 584.

¹⁸ Там же. С. 585.

землепашцев; следовательно, и спектр ситуаций, при которых мог быть совершен побег, теоретически должен быть шире. Отсюда — источник с преобладанием сообщений о побегах дворовых над побегами крестьян, должен давать более широкий спектр обстоятельств побегов крепостных в целом.

Задача автора в данной статье типологизировать обстоятельства побегов крепостных в объявлениях, выходявших в «Московских ведомостях» в 1804–1806 гг.

Побеги крепостных можно разделить на индивидуальные и групповые.

За период 1804–1806 гг. выявлены объявления об индивидуальных побегах 109 человек: 104 мужчин и 5 женщин. Вотчинники не были заинтересованы в возвращении «женок» и «девок», в той же степени как и в возвращении мужских ревизских душ, что определило редкость объявлений о женских побегах. Характерно, что из пяти случаев индивидуальных побегов женщин четыре случая сопровождалась кражей господских денег или ценных вещей. Доля объявлений об индивидуальных побегах «со сносом» у мужчин составляет около 16 % (17 случаев из 104), а у женщин — 80 %.

Путем групповых побегов от помещиков ушли 110 человек. Среднее количество участвующих в групповом побеге — 2,9 человека. Бежавшие в группе могли состоять в близком родстве (братья, мать с детьми, отец с сыном и т. д.), но могли и не являться родственниками или их родство было дальним. Зафиксировано девять случаев побегов, в которых бежали вместе муж и жена (ок. 6 % от всего количества побегов). Женщины приняли участие в 15 групповых побегах (ок. 40 % групповых побегов). Интересно, что в восьми случаях из 15 женщины бежали с детьми. Всего же в выборку попало 10 случаев побегов с малолетними. Точный возраст детей от года до 14–15 лет приводится в объявлениях относительно редко. Однако, если крепостные бежали с младенцем, это обстоятельство, как правило, указывается. Младенец на руках являлся дополнительной приметой, позволяющей идентифицировать беглецов. «Сносом» сопровождалась девять случаев групповых побегов (24 %).

Примерно в половине объявлений обстоятельства побега указаны следующим образом: «из дома\сельца\вотчины... бежал крепостной...». За этой предельно лаконичной формулировкой могут скрываться как непосредственно самовольные уходы (отлучки) людей из господского дома или деревни, так и более сложные обстоятельства побега, которые податель объявления не нашел нужным раскрывать. Вот характерный пример такого текста: «Сего 1806 года июля 24-го в Кремичуге из дома состоящего там отставного майора Ивана Иванова Дессениера бежал крепостной его человек Иван Савельев Девятченко... При побеге снес 200 р., о чем и о побеге его явочное прошение в Кременчугский Земский Суд подано...»¹⁹

Иногда в объявлении уточняется, что побег был совершен в ночное время, «в ночи». Например, в ночь с 26 на 27 ноября 1806 г. из дома своего барина

¹⁹ Московские ведомости. 1806. № 74. С. 1409.

П. Г. Левицкого бежали крепостные люди — девка Аграфена Абрамова и 21-летний мужской портной Антип Иванов. Аграфена ушла в крытой темно-зеленым атласом, «опушенной собольками» на заячьем меху шубе, принадлежавшей жене хозяина. Оба беглеца «снесли разное платье и белье», кроме того, похитили ассигнациями 850 р. и две табакерки — серебряную с вензелем императора Павла I на крышке и украшенную розовым жемчугом черепаховую табакерку с дамским портретом²⁰.

В объявлениях за 1804–1806 гг. «сносом», т. е. похищением имущества барина, сопровождается примерно 35 % индивидуальных и около 33 % групповых побегов. Кроме денег беглые брали господскую одежду, белье, столовое серебро, небольшие дорогостоящие предметы (табакерки, карманные часы), а также лошадей, сани, телеги.

В объявлениях мы находим упоминания о таком явлении, как «сманивание» людей ранее бежавшими крепостными данного помещика. Например, в августе 1805 г. из сельца Анкино в Симбирской губернии, принадлежащего Н. А. Шувалову, бежал крестьянин Ефим Иванов 30 лет; известно, что он «плотничает и делает деревянную посуду изрядно». Ефим был «сманен» 60-летним беглым крестьянином Иваном Федоровым, который «крив» и «ходит сгорбившись». Сам Федоров находился в бегах с 1794 г., т. е. уже около девяти лет, что не мешало ему тайно появиться, и, возможно, неоднократно, в сельце Анкино. В газете сообщается, что Федоров «увез с собой сына своего родного, уroda, небольшого роста», сын «от болезни корпусом скрючен, руки и ноги кривые, пальцы к ладоням пригнуты». Из объявления неясно, увез ли Федоров сына-инвалида в 1805 г. или в предыдущие годы. Помещик обвинял Федорова и сманенного им Иванова в краже «разного имущества и денег на 3000 р.»²¹

Другой тип побегов — невозвращение крепостных дворовых людей и крестьян, отпущенных баринном на оброк. Из 109 объявлений об индивидуальных побегах примерно треть объявлений сообщает о том, что крепостной служитель был отпущен вотчинником для заработка с официальным документом (плакатным или домовым паспортом, письменным видом, покормежным письмом) на разные сроки, чаще всего на 11 месяцев, по истечении этого времени человек не вернулся «и где пребывает неизвестно». Для 21 беглеца из этой категории указано мастерство. Самым распространенным промыслом (у пяти крепостных с просроченными документами) оказалось профессиональное приготовление пищи (кухмистер, повар, кондитер). У троих беглых были навыки, связанные с уходом за телом и внешностью: 20-летний «искусный подлекарь», дворовой, знавший парикмахерское искусство, и человек, владевший «фершалным мастерством». Среди крепостных с просроченными паспортами также оказались кузнец, каретник, резчик, медник, печник, он же штукатур, токарь, золотарь, обойщик, столяр, слесарь, портной, живописец и музыкант (валторнист).

²⁰ Московские ведомости. 1806. № 101. С. 1969.

²¹ Там же. 1805. № 76. С. 274.

Приведем типичный пример объявления о пропаже оброчного человека: «Прошлого 1805 года июля 28-го дня был отпущен дворовой человек, повар, Степан Исаев с данным пашпартом на 11 месяцев; но как он в срок не явился, почему и благоволено б было его нигде не держать и почитать за беглого. Приметами он: росту 2 арш[ина] 4 вершк[а], лицом смугл, нос прям, волосы темно-русые, 24 лет; а доставить его Пресненской ч[асти] в дом г-жи девицы Аграфены Петровны Озеровой»²².

Чуть менее четверти случаев побегов из объявлений не относятся к двум вышеописанным типам. Это относительно редкие в объявлениях обстоятельства побегов, которые также можно постараться типологизировать.

Около 4,5 % всех побегов в объявлениях 1804–1806 гг. совершили крепостные поверенные. Мы относили к данной категории беглецов, про которых известно о наличии у них официальных доверенностей от барина. Эти крепостные люди занимались «хождением по делам» господина в присутственные места, получали деньги по долговым обязательствам, совершали торговые сделки и иные финансовые операции по поручению и от имени помещика. Они должны были хорошо читать, писать и разбираться в делопроизводстве.

Побеги поверенных крепостных людей могли сопровождаться похищением различных документов, в том числе чужих паспортов, заемных писем, даже печати с гербом помещика. Так, в 1806 г. из села Чулково (Рязанской губернии) бежали дворовые люди полковника М. Д. Лихарева. В их числе — крепостной Михайла Гуляев 32 лет от роду, с трехлетним сыном Иваном. При побеге Гуляев похитил «печать стальную герба господ Лихаревых», «разные данные ему доверенности, квитанции, крепость и посторонних людей пашпорты». Кроме того, бывший поверенный снес «господских денег ассигнациями 1500 р.», две табакерки на общую сумму 750 р. и множество «платья господского ему данного»²³.

Доверенные лица помещиков из числа крепостных отправлялись с поручениями в другие города и не возвращались. Например, в 1806 г. львовский помещик М. П. Бахтин послал своего дворового Семена Срывкова «для продажи господского хлеба» в город Севск. Человек «оттоль» бежал «и снес с собой господских денег 5000 р.», а также волчью шубу, сюртуки и другую одежду, данную ему барином²⁴.

В отдельную группу можно объединить побеги крепостных поверенных, проживавших для нужд господина в столичном городе Санкт-Петербурге. В объявлении от 15 июля 1805 г. бежавший из столицы крепостной прямо назван поверенным. Данное объявление показывает, как помещик мог получить информацию о побеге своего доверенного человека: «Курской губернии, Путивльского уезда, от дворянина, подполковника Кирилы Леонтьева сына

²² Московские ведомости. 1806. № 81. С. 1556–1557.

²³ Там же. № 86. С. 1660.

²⁴ Там же. № 30. С. 657.

Черепова, объявляется, что от 8 числа сего месяца статский советник Гаврила Григорьевич Григорьев из Санкт-Петербурга письмом уведомил его г. Черепова, что находившийся в оном городе в доме его крепостной его, г. Черепова, человек, поверенной Гаврила Иванов сын Слипухов, 1 числа сего ж месяца бежал, и где находится неизвестно». «Слипухов, имел порученных от» помещика «на разные покупки денег государственными ассигнациями 4000 р.», которые пропали вместе с человеком²⁵.

Проиллюстрируем побег крепостных поверенных из Санкт-Петербурга начала XIX в. еще несколькими примерами. В июне 1806 г. отставной второго ранга капитан флота П. М. Нестеров объявлял, что в Санкт-Петербурге «находился для надобностей его крепостной служитель», 44-летний Николай Федоров с женой и малолетним сыном. Федорову была в 1802 г. дана «полная доверенность в хождении за делами и прочем, и имелись у него собственные его г. Нестерова деньги... всего 10000 р. и заемное письмо в 2000 р.». «По замечанию дурных поступков» Федорова, барин послал в столицу двух других служителей, которые должны были сменить Федорова и принять у него деньги и заемное письмо. Новые поверенные по приезду в столицу обнаружили, что Федоров скрылся вместе с семьей и барскими деньгами, и «где ныне они находятся, неизвестно»²⁶.

В феврале 1805 г. опекуны малолетних детей майора П. А. Зубкова разыскивали ярославского крестьянина Егора Виденикова, проживавшего в Санкт-Петербурге на Сенной улице. Срок его «пашпорту минул», а за новым он не явился. Крепостной Видеников имел поручения от покойного помещика Зубкова на взыскание долгов «на немалую сумму», а затем уже опекуны давали Виденикову «препоручения, к собственности малолетних принадлежащие». Отчета по «препоручениям» крепостной человек не дал и скрылся²⁷.

В конце 1802 г. дочь статского советника, девица А. Ф. Булыгина из Нижегородской губернии отправила в Санкт-Петербург своего крепостного человека, «крестьянина» Афанасия Калинина «с полной доверенностью для хождения за ея делом, производящимся... во Временном Межевом Департаменте, о землях». Калинин имел при себе документы, необходимые для доказательства «правости» своей помещицы, но через какое-то время «хождение» в казенное учреждение прекратил, «самовольно из Санкт-Петербурга отлучился» и скрылся. Явочное прошение о его побеге было подано в январе 1804 г.²⁸

Еще одна категория беглых — люди, бежавшие не из дома своего вотчинника, но ушедшие от лиц (купцов, мещан, ремесленников), у которых жили и работали по воле господина, в том числе по так называемым «верющим письмам» от барина. Смысл «верющего письма» заключался в том, что помещик,

²⁵ Московские ведомости. 1805. № 56. С. 222.

²⁶ Там же. 1806. № 45. С. 929–930.

²⁷ Там же. 1805. № 12. С. 50.

²⁸ Там же. 1804. № 10. С. 52.

отдавая своего крепостного якобы для продажи третьему лицу, предоставлял ему право, пока тот не продаст крепостного, использовать его в своих целях. Таким образом маскировалась аренда людей и эксплуатация их труда представителями сословий, по закону не имевшими права владеть крепостными. Как отмечал В. И. Снежневский, «положение этих арендованных людей было часто худшее, чем в дворне помещика, и дел о побегах их от разночинцев встречается сравнительно очень много»²⁹. Приведем пример объявления о побеге данного типа. В 1805 г. один московский купец, объявлял, «что находящийся у него по верующему письму от коллежского секретаря Ивана Анисимова дворовой человек, дворник, Иван Никитин, сего августа 7го числа бежал... Приметами он: росту малого, лицом рябоват, левый глаз крив: на нем кафтан серой, шляпа пуховая старая, волосы на голове русые, борода выбивается, от роду ему 25 лет»³⁰.

Весьма близки по условиям совершения побега крепостные, находящиеся в обучении и жившие у мастера. Например, в 1804 г. коллежский ассессор Н. А. Богданов сообщал, что его 18-летний дворовой человек Прохор Андреев «отдан был в Москве в портные» и, «не дожив у хозяина 9 месяцев, бежал»³¹.

Следующий тип побегов можно назвать «бегством в дороге». Крепостные индивидуально или группой отправляются по воле барина в путь и на каком-то этапе исчезают. Причины, по которым крепостные оказались в дороге, были разнообразными.

В сентябре 1804 г. крестьянин Василий Игнатов был отпущен бурмистром для свидания с родными на 15 дней. Он должен был отправиться из Московской губернии в Орловскую. По всей видимости, до орловских родственников крестьянин не дошел, иначе об этом как об информации, позволяющей локализовать район поисков, упоминалось бы в объявлении. Сообщение о побеге было опубликовано спустя более года после исчезновения крестьянина, только в январе 1806 г.³² В августе 1805 г. помещица А. П. Ковалева из Калужской губернии отпустила от себя, «жившую для обучения детей» иностранку в Москву. С иностранкой «для прислуг ея в пути» отправлены были «девка и 2 человека с повозку». В Москве один из этих людей, 21-летний Афанасий, «отстал» и домой к помещице не вернулся³³. В июле 1805 г. из Германии в Россию возвращалась жена действительного статского советника Тибякина. «По приезде ея... Волынской губернии... бежали от нея 2 человека» из «великороссийских дворовых людей»: повар Василий Петров и кучер Иван Никитин сын Исаев³⁴.

Среди побегов с дороги, вероятно, самым массовыми были побеги при переселении крестьян из одного имения в другое. Происходившее по приказу барина (в том числе нового) переселение могло быть удобным моментом

²⁹ Снежневский В. И. Указ. соч. С. 551.

³⁰ Московские ведомости. 1805. № 67. С. 254.

³¹ Там же. 1804. № 19. С. 98–99.

³² Там же. 1806. № 3. С. 50.

³³ Там же. 1805. № 82. С. 294.

³⁴ Там же. № 96. С. 312.

для осуществления созревшего замысла побега. Но, вероятно, чаще само принудительное переселение являлось главной причиной побега. Характерный пример группового побега крестьян при переселении мы находим в объявлении в июне 1805 г. 20 душ мужского и 20 душ женского пола крепостных крестьян проживали в деревне Нефедовой Медынского уезда Калужской губернии. За короткий период времени они несколько раз меняли господ: владельческие права на этих людей переходили из рук в руки, пока наконец в 1803 г. по купчей не перешли к помещику К. А. Перамидову. Новый хозяин стал переселять приобретенных крестьян в свою калужскую деревню, «но некоторые с прежнего еще жилища, а другие при переводе, оставя свои семейства, жен, малых детей и стариков увечных... разбежались». Крестьяне бежали в разные месяцы — с августа 1803 по апрель 1804 г. Уходили родственники, группами в 2–3 человека: в августе бежала вдова 47 лет с взрослым сыном и дочерью 15 лет, в сентябре — пожилой плотник с 15-летним внуком, в апреле следующего года — 31-летний крестьянин с 23-летним племянником и т. д. Всего в объявлении сообщается о побеге 10 мужчин и двух женщин. Особо отмечалось, что «Перамидов потерпел чувствительный убыток» от покупки «таковых дурных людей», которые через побег «потеряв свое имущество, и сами себя и свои семейства расстроили», а ему создают постоянные «убытки в посылках за сыском их, в прокормлении... оставших[ся] старых и малых», в уплате за всех казенных податей³⁵.

Крепостные могли сбежать, выполняя курьерские поручения своих помещиков, в таком случае этот побег нередко мог сопровождаться «сносом». В конце апреля 1806 г. майор Н. А. Позняков послал крепостного человека Данилу Куприянова отнести из сельца Раткина Зарайского уезда в сельцо Элино Коломенского уезда письмо со вложенными в него 50 рублями. В начале мая вышло объявление о побеге крепостного³⁶. Другой пример: в марте 1806 г. титулярный советник П. Токарев из Санкт-Петербурга объявлял, что больше месяца назад «послан был от него мальчик, 13 лет, для покупки на Гостинный двор... и до сих пор не явился»³⁷. В том же 1806 г. девица Е. А. Чемоданова сообщала, что «дворовой ея человек, Наркиз Семенов... послан был в Московский Почтамт, для принятия присланных на имя ея из Арзамаса ста р., которые он получа, к госпоже своей не явился»³⁸.

Заключение. Стремясь типологизировать обстоятельства побегов крепостных в России начала XIX в., мы вынуждены следовать за источником. В газетных объявлениях, как правило, указывается место, откуда крепостной человек совершил побег. Отсюда — в основе нашей типологии — место

³⁵ Московские ведомости. 1805. № 49. С. 200.

³⁶ Там же. 1806. № 36. С. 781.

³⁷ Там же. № 18. С. 385.

³⁸ Там же. № 32. С. 690.

совершения побега. Газетные объявления позволяют говорить о следующих повторяющихся обстоятельствах побегов:

- ✓ уход из вотчины или городского дома помещика, в том числе в ночное время;
- ✓ невозвращение отправившегося на заработки оброчного человека;
- ✓ бегство от купцов и ремесленников, у которых жили по «верующему письму» от барина;
- ✓ бегство от мастеров-ремесленников, у которых находились в обучении;
- ✓ бегство крепостных поверенных, отправленных баринном с поручением (в отдельную группу можно выделить побег крепостных служителей, выполнявших роль поверенных провинциальных помещиков в Санкт-Петербурге);
- ✓ бегство при выполнении курьерских поручений барина;
- ✓ бегство в дороге:
  - при переселении в другое имение;
  - были отпущены для сведения с родственниками;
  - сопровождали господ в путешествии.

Несмотря на то что в газетных объявлениях отражался очень малый процент всех реально происходивших в стране крестьянских побегов, мы имеем спектр жизненных обстоятельств, охватывающий почти все возможные положения крепостного. Как видим, случаи побегов сопровождали буквально любую ситуацию, в которой мог оказаться крепостной человек.

Литература

1. Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России: вторая половина XVIII в. (по материалам Пензенской губ.). М.: Наука, 1966. 212 с.
2. Видничук А. О. Женская преступность в послепетровской России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 309 с.
3. Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 150 с.
4. Кошелева О. Е. Стратегии обмана в допросах беглых крестьян // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени: сб. статей / под ред. О. И. Тогоевой и О. Е. Кошелевой. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 202–225.
5. Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб.: Сенат. тип., 1911. 435 с.
6. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.
7. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. Т. 3. М.: Московский рабочий, 1972. 398 с.
8. Ченчикова Э. В. Беглые крестьянки в XVIII в. (по материалам судных дел Суздальской, Шацкой и Короченской провинциальных канцелярий): магист. дис. М., 2024. 79 с.
9. Gornostaev Andrey. Peasants “on the run”: state control, fugitives, social and geographic mobility in imperial Russia, 1649–1796: PhD dissertation, Georgetown University, 2020. 334 p.

References

1. Bulygin I. A. The situation of peasants and commodity production in Russia: The second half of the 18th century (Based on materials from the Penza province). Moscow: Nauka, 1966. 212 p. (In Russ.).
2. Vidnichuk A. O. Female crime in post-Petrine Russia: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2023. 309 p. (In Russ.).
3. Kozlova N. V. Peasant escapes in Russia in the first third of the 17th century (from the history of the country's socioeconomic life). Moscow: MSU, 1983. 150 p. (In Russ.).
4. Kosheleva O. E. Deception strategies in the interrogations of runaway peasants // Deception strategies in the societies of the Middle Ages and Modern times: Collection of articles. Moscow: IVI RAN, 2017. P. 202 – 225. (In Russ.).
5. Klochkov M. V. The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Vol. 1. Censuses of households and population (1678–1721). St. Petersburg, 1911. 435 p. (In Russ.).
6. Preobrazhensky A. A. The Urals and Western Siberia in the late 16th and early 18th centuries]. Moscow: Nauka, 1972. 392 p. (In Russ.).
7. Sytin P. V. The history of Moscow's planning and development: Materials and research. Vol. 3. Moscow: Moskovskij rabochij, 1972. 398 p. (In Russ.).
8. Chenchikova E. V. Runaway peasant women in the 18th century (Based on court cases from the Suzdal, Shatsk, and Korochon provincial offices]: Master's thesis. Moscow, 2024. 79 p. (In Russ.).
9. Gornostaev Andrey. Peasants “on the run”: state control, fugitives, social and geographic mobility in imperial Russia, 1649–1796: PhD dissertation, Georgetown University, 2020. 334 p.